

Пролог

Вытерев пот со лба, она с трудом перевела дух и упрямо продолжила восхождение. Синяя блузка намочила на спине и в подмышках, отчего пошла некрасивыми пятнами, и в другой день, в иной жизни, женщина очень расстроилась бы из-за своего непрезентабельного вида, но те времена давно прошли.

Колючие кусты хватали за ноги, словно стараясь задержать, остановить ее от решающего шага, после которого ничего уже нельзя будет изменить, раздирали в кровь ладони. Ласточки, вспугнутые ее приближением, носились вокруг с пронзительным пискom, и в их голосах она тоже слышала паническое «остановись». Женщина замотала головой, как ослепленная лошадь, и, на миг задержавшись, продолжила движение.

Больше всего она боялась, что сейчас остановится, и тогда все полетит к черту.

Женщина поднималась все выше, хватая ртом воздух, прижимая к животу руку и воя от нестерпимой боли. Временами в глазах темнело настолько,

что она не видела, куда ступает, и, нашарив рукой острую стену камней, останавливалась, думая, что больше не выдержит. В животе горела и ворочалась злобная тварь, чужой из старого ужастика, готовый вырваться наружу, разрывая внутренности. На миг женщине показалось, что сейчас это произойдет. Пошатнувшись, она взмахнула руками, теряя равновесие, но удержалась, сплюнула на землю черную, как нефть, кровь и упрямо сделала еще два шага. И еще два. И еще.

Сумка — приметная, ярко-красная, сверкающая хищным лаком, била по ногам, и женщина раздраженно сдернула ремешок с плеча и бросила сумку на землю. Лакированный конвертик стукнулся о камни, ремешок трепыхнулся умирающей гадюкой и замер. Женщина не обратила на него никакого внимания.

Солнце катилось к закату, наливаясь красным, как испорченный яичный желток. Вокруг, насколько хватало затуманенных глаз, не было ничего, кроме гор и уходящего к горизонту моря, беспечно синего и пустого, дикого пляжа без единого отдыхающего да буйной зелени. Позади, в далекой суете отелей, накрывались столы к ужину, в бассейнах плескались люди, не слишком трезвые, веселые. Мамаши купали чад на мелководье, всеми силами оттягивая момент, когда придется удалиться с напоенного хвоей и солью воздуха и идти в номер, укладывать детей спать. Женщина уловила краем уха, как на мгновение плюнула известным хитом аудиосистема и испуганно смолкла, не готовая к вечернему разгулу и танцам. Отдыхающие

толпились у входов в ресторан, скрывая за беседами нетерпеливое желание поскорее занять лучший столик. Никому не приходило в голову поглядеть наверх, на узкую горную тропинку с человеческой букашкой, поднимающейся все выше.

Почти никому.

Она не видела преследующего ее человека, слишком занятая восхождением в гору, которое еще час назад казалось чем-то важным, последней попыткой доказать себе, что жива и что еще не все потеряно, но сейчас, когда сил не осталось, она была готова сдаться. По большому счету все равно, где умирать. И когда, вновь помотав головой, она уже готова была остановиться, ее голова взметнулась над последней площадкой, куда могла ступить нога человека. Переведя дух, женщина, помогая себе руками, вскарабкалась туда. Совершенно обессиленная, сползла на камни, глядя на бесконечное море, и улыбнулась сквозь слезы. Посидев так минуту, она, потратив последние силы, подползла к краю на четвереньках и с наслаждением улеглась на живот, счастливая от того, что больше ей не придется двигаться. Полежав так минуту, женщина перевернулась на спину и поглядела вверх.

Небо, глубокое и пустынное, какое бывает только на юге, ответило на ее взгляд. Луна, бледная, почти незаметная поначалу в этом стремительно темнеющем небе, поднималась все выше и отражалась в затухающем взгляде женщины. Наверху кружила какая-то крупная птица, зорко поглядывая на неподвижную фигуру и оценивая, можно ли уже спуститься и на-

чать пир. Но с безопасной высоты распластанное тело не выглядело беспомощным. Пока еще нет.

Внизу ухала музыка, непонятная, далекая, и только басы раздражали перепонки. Отдыхающие дорвались до бара и оглашали окрестности радостными воплями. Женщина, которую больше не касалось веселье, не двигалась до тех пор, пока до ее обостренного слуха не донесся шорох камешков, осыпающихся под чьими-то шагами. Женщина закрыла глаза. У нее оставалось совсем немного времени. Усилием воли она вызвала в памяти картину тех бесконечно счастливых мгновений, которые испытала не так давно, безудержного восторга, азарта и удовлетворения собой, столь же мощного, как оргазм, но воспоминание было стерто ворочаньем твари в животе, старательно прогрызающей себе путь наружу. Женщина закашлялась и вновь выплюнула кровь.

Сколько денег, украденных у других, было припрятано в надежных местах? Сколько лет она бегала от опасных людей? Не сосчитать ни того, ни другого. И вот теперь ей не помогут никакие деньги, и она уже никуда не может скрыться. От твари не убежишь, не откупишься. Женщина открыла глаза и увидела, что птица, парившая над ней, спустилась ниже, заинтересованная своим неожиданным открытием. Со стоном перекатившись на бок, женщина поднялась, чувствуя себя беспомощной старухой.

Тюрбан на ее голове размотался, и она сдернула его, проведя пальцами по своей лысой, как у младен-

ца, голове. На ветру длинная ткань взметнулась вверх упрямым флагом. Женщина подняла руку и мгновение держала скользкий шелк, как умирающий солдат знамя полка, а потом отпустила, проводив улетевшую материю взглядом.

Птица, напуганная полетом ярко-красной полотняной змеи, шарахнулась прочь. Женщина опустила руку и прижала ее к животу, а затем развернулась лицом к человеку, который уже поднимался на каменный уступ. Глядя в лицо преследователю, женщина попятилась назад, к самому краю, а затем вновь закрыла глаза. Ей почти не было больно, и лишь страх, что она в очередной раз уступит терзающему ее чудовищу, заставлял трястись ее губы и ноги. Когда человек, уставший и запыхавшийся, поднялся на уступ, женщина увидела свою сумку в его руке и слабо улыбнулась, взглянув в последний раз в зеленые глаза напротив. Глаза, которые могут быть только у истинного лжеца. С самого первого дня, когда женщина взглянула в эти зеленые глаза, она поняла, кто перед ней.

Черт побери, пусть это будет красиво!

Она раскинула руки, как птица. Прежде чем ее преследователь сделал шаг вперед, женщина, балансирующая на краю пропасти, стала падать. И в то мгновение, когда ее ноги оторвались от скалы, ее захлестнули ужас и неудержимое желание жить. Женщина закричала, и вопль ударил в камни, усиленный эхом. Мгновение показалось ей вечностью, ровно до того

❧ Георгий Ланской ❧

момента, когда она врезалась в острые камни, после чего все закончилось.

Красный шелк разматавшегося тюрбана беспомощно болтался на ветке горной сосны. Стервятник в небесах с большим интересом смотрел на изломанную фигуру на дне пропасти, но спуститься не решился, подозревая подвох. И только человек на вершине горы, дав в себе испуганный вопль, глядел вниз, не веря тому, чему стал свидетелем.

Безмолвное небо отражалось в зеленых глазах.

Часть 1

Клетка

Отель был излишне претенциозный, и это бросалось в глаза любому человеку с мало-мальским вкусом, а у женщины, вкатившей за собой небольшой, выдавший виды чемодан, вкус был, потому, подкатив багаж к стойке регистратора, она слегка скривила губы. Дорого-богато, и при этом в плане сервиса — ноль. Бывший санаторий для правящей элиты, с гипсовой лепниной, колоннами и прочим шиком сталинского ампира, включающего в себя непременно барельефы с трудящимися, кропотливо собирающими каждый колосок. В девяностые гипсовых красноармейцев, колоски и комбайнеров посшибали, оставив голые стены с зияющими щербинами, но потом одумались и попытались вернуть все на место, наклеив вместо улыбчивых доярок русалок и мадонн, а вместо ставларов — греческих богов и подмазав халтурные скульптуры пошлой позолотой. Потом сюда пришел кто-то башковитый и позолоту затер, что придало пошловатой псевдороскоши толику культуры, но все равно — колхоз колхозом. Пройтись бы, как извест-

ная теледива с белым платочком по углам, сколько грязи можно было бы собрать...

Дама вздохнула.

Хоть бы дизайнера выписали из Европы или Москвы... Дерут, черти, сумасшедшие деньги... Вот тебе и «Крым наш»... Как был совок, так и остался, все-таки за двадцать лет построить капитализм невозможно даже в отдельно взятом здании. Дама подняла на лоб очки и огляделась: догадается ли кто-то подойти?

Портье, которому полагалось открыть перед ней дверь и помочь с багажом, слонялся без дела, только что в носу не ковырял, коридорных не было видно, на верхней площадке лестницы прошмыгнула горничная в фирменном платье и тут же скрылась. В фойе было малоллюдно. У большого, как витрина, окна за столиком сидели двое мужчин в футболках и шортах, пили пиво и о чем-то тихо беседовали, за соседним столом скучал тощий парень, тарасившийся в потрепанную книгу и то и дело зевающий. Рядом стояла пустая детская коляска. Больше не было никого, с улицы, от бассейна, доносились крики развлекающихся постояльцев, перекрывающие ненавязчивую музыку с экрана телевизора, висящего поодаль. Так что в принципе пассивность персонала была вполне объяснима. Суетное время завтрака и обеда миновало, постояльцы отправлялись на боковую, подалее от солнца, что к трем часам дня жарило беспощадно, или же шли на пляж, позволяя служащим отеля немного отдохнуть и подготовиться к вечерней сума-

тохе. Впрочем, здесь было довольно малолюдно, что нисколько не удивляло: цены заоблачные, за такие деньги можно с шиком отдохнуть в Европе, что, собственно, нувориши и делали.

Девушка за стойкой беззастенчиво пялилась в мобильный, и даже с расстояния пару метров было слышно, что она крушит злобными птицами постройку зеленых свиней. Звуки разлетающихся в щепки виртуальных дворцов хоть и были приглушены, но спутать их с чем-то иным было невозможно. Вошедшая женщина опознала это визгливое ликование безошибочно. Валяясь в постели, она и сама развлекалась такими баталиями и приноровилась настолько, что разбивала противника с первого залпа. Потому она подошла к стойке и кашлянула, привлекая к себе внимание.

Девушка отложила телефон и растянула губы в улыбке, которая получилась недовольной и кривой. В телефоне восторженно захмыкали свиньи: видимо, птички понесли потери. Тем не менее голос девушки звучал вполне вежливо.

— Добрый день. Чем могу вам помочь?

— Добрый день. Я заказывала номер, — ответила дама и, порывшись в сумочке, вынула паспорт в видавшей виды обложке цвета перспелой вишни, не дожидаясь, пока ее об этом попросят.

Девушка пощелкала клавишами компьютера, после чего ее улыбка стала чуть более льстивой. Вынув из ящика конверт с карточкой-ключом, она протянула его новой постоялице вместе с паспортом.

❧ Георгий Ланской ❧

— Да, госпожа Захарова, бронь вашего номера подтверждена. Ваш багаж сейчас доставят. Завтраки у нас начинаются с восьми утра, ужин после девятнадцати часов, также вы можете заказать еду в номер. К вашим услугам сауна, хамам, два крытых бассейна и два открытых, четыре ресторана, два бара...

— Я разберусь, — сухо ответила дама и потянула ключ к себе.

Администратор неохотно уступила, как будто ей до смерти хотелось продолжить расхваливать отель, и сделала страшные глаза коридорному, который вынырнул из служебного помещения и прислушивался к разговору с вялым любопытством. Торопливо подскочив к новой постоялице, он галантно указал ей дорогу к лифту. Дежурная проводила гостью взглядом и еще раз посмотрела на заполненную карточку брони.

Маргарита Захарова. Тридцать шесть лет, прописана в Кемерове. Выглядит, кстати, гораздо старше и как-то болезненно, хотя, может, потому, что в столице для лета еще рановато, а гостья косметикой не воспользовалась. Оно и понятно, по такой жаре все потечет. Одета дорого и как-то... излишне живенько для обычных гостей, прямо как кинозвезда. Девушка оценила воздушное балахонистое платье цвета вянущих пионов, массивные золотые серьги и кольцо, россыпь бриллиантов на нервных пальцах и изящные туфли на демократичном устойчивом каблуке, которые прямо вопили, что купили их не на рынке. Но это и понятно: рыночные торговки люксов не заказывают. Один день пребывания тут стоит их месячной

зарплаты... Очки у дамы тоже были дорогими, а глаза под ними — выцветшего голубого цвета, усталые и замученные, с темными мешками, не то от дороги, не то от чего-то еще. Вершиной образа был тюрбан пудрового тона, из-под которого торчали платиновые пряди, совершенно лишней на юге аксессуар. Ей бы шляпу побольше. Странно, что столь эффектно одетая дама прибыла всего с одним чемоданом.

Коридорному дама странной не показалась, он и не таких повидал. К тому же короткое время, которое он провел рядом с новой гостьей, не позволило сделать определенных выводов, кроме того, что она, вероятно, очень хорошо обеспечена. И дело было не только в одежде, но и в парфюме, а пахло от постоялицы хорошо и дорого, тяжелый аромат духов почти мгновенно впитался в его одежду. Дотащив чемодан до номера, коридорный помог женщине открыть дверь, получил скромные чаевые и удалился, с неприязнью подумав, что уж эта могла бы отслюнявить и побольше. И уже спустившись, он мельком отметил, что за ароматом духов ощутил что-то еще, нечто неприятное и почти неуловимое, химию, смешанную с органикой. Но эта мысль моментально выветрилась из его головы, потому что в холл ввалились постояльцы, уже две недели составляющие главную головную боль отеля своими бесконечными пьянками и дебошами. Вот и сейчас разудалая троица мужиков, переваливших за сорок, с пьяной бранью требовала подать выпивку и закуску. Администратор улыбалась, что-то талдычила в телефон и чуть заметно морщилась, надеясь на лучшее.